

*М.А.Можейко,
проректор по научной работе
Белорусского государственного
университета культуры и искусств,
профессор*

ФЕНОМЕН ТЕКСТУАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В современной культуре конституируется новое видение мира, предполагающее описание процессов как принципиально нелинейных, т.е. таких, в процедурности которых реализует себя феномен версификации (ветвления) перспективных траекторий эволюции.

Идея линейности являлась доминирующей в европейской культуре на протяжении практически всей ее истории, ибо освоенные до сих пор типы системной организации объектов (от простых составных до развивающихся) могли быть адекватно интерпретированы в этой парадигме. В естественнонаучном познании это находит свое выражение в идее эволюции, в гуманитарном – в идее прогресса. По оценке Р.Нисбета, «на протяжении почти трех тысячелетий ни одна идея не была более важной или хотя бы столь же важной, как идея прогресса в западной цивилизации» [19, с. 4].

Сегодня, вместе с XX столетием, покидает сцену и идея линейного прогресса, столь долго сопровождавшая человечество на его пути. Культурная ситуация рубежа XX–XXI вв. – как в социально-историческом, так и в научно-познавательном своих измерениях – характеризуется существенной нелинейностью своей динамики. О.Тоффлер оценивает «современную стадию ускорения социальных изменений» как носящую нелинейный характер [15, с. 16–17]. Современное общество осуществляет радикальный цивилизационный поворот, предполагающий ориентацию на идеал глобальной цивилизации как единого планетарного комплекса, оформляющегося на основе этнокультурного разнообразия и организационного полицентризма. Такой идеал с очевидностью предполагает отказ от презумпции линейного прогресса, основанного на идее унификации путей и форм развития.

В фокусе внимания сегодня – как применительно к естественнонаучной, так и применительно к гуманитарной сферам – находится идея нелинейности. В современном естествознании

очевидным лидером в исследовании нелинейных процессов выступает синергетика, непосредственно осмысливающая себя в качестве концепции нелинейных динамик. Как было отмечено на Международной конференции Общества Сложных Систем (октябрь 1997 г.), наука сегодня снимает «линейные очки»: синергетика видит целью «защиту нелинейного мышления по всему спектру научных изысканий, от квантовой механики до изучения истории человечества» [11].

В гуманитарной сфере также могут быть обнаружены аналогичные тенденции. Теоретические построения, предлагаемые сегодня философией постмодернизма, открыты для рассмотрения в качестве концептуальных моделей нелинейных динамик: нелинейное письмо, нелинейная темпоральность, нелинейная модель динамики бессознательного, «генеалогия» взамен линейной «истории» и т.д. Ведущие представители постмодернизма эксплицитно оценивают презумпции современной философии в качестве порывающих с классическим стилем мышления.

В этом контексте особый интерес представляет такая метафора постмодернистской философии, как «эротика текста», используемая для фиксации таких параметров текстовой (и в целом знаковой) реальности, которые связаны с нелинейным характером динамики последней. Постмодернистски понятый текст (в широком смысле этого слова) представляет собой принципиально процессуальную семиотическую среду «самопорождающейся продуктивности» (термин Дж. В. Харрари [18]).

Фокусировка внимания культуры конца XX в. на исследовании феномена нестабильности может быть расценена как универсальная. По оценке Ж.-Ф. Лиотара, «постмодернистская наука – проявляя интерес к таким феноменам, как неразрешимость, пределы жесткого контроля, кванты, противоречия из-за неполной информации, частицы, катастрофы, прагматические парадоксы – создает теорию собственной эволюции как прерывного, катастрофического, не проясняемого до конца, парадоксального процесса... Она продуцирует не известное, а неизвестное» [14, с. 156]. Классическим примером в этом отношении может являться «теория катастроф» Р. Тома, эксплицитно формулирующая свою направленность на исследование «локальных процессов» и «единичных фактов», вне попытки объединить их в единую систему посредством принципа универсального детерминизма.

Сферу действия последнего Р. Том

ограничивает лишь «локальными островками» в хаосе всеохватной нестабильности [20]. Феномен «нестабильности» осмысливается постмодернистской рефлексией над основаниями современной культуры в качестве фундаментального предмета интереса постмодерна. Собственно, согласно постмодернистской рефлексии, «постмодернистское знание... совершенствует... нашу способность существовать в несоразмерности» [14, с. 141]. Непосредственно ссылаясь на Р.Тома, ставящего своей целью дискредитацию самого понятия «стабильная система», Ж.-Ф.Лиотар проводит прямую параллель этой цели с программными установками постмодернизма. В отличие от фундированной линейным детерминизмом модели стабильной системы, базовой для философии классического типа, – базовой концептуальной моделью постмодернизма выступает модель системы нестабильной, неравновесной, подчиненной в своей динамике закономерностям нелинейного типа. Это проявляет себя в новом типе легитимизации знания в культурном контексте – «легитимизации посредством паралогизма»: по определению Ж.-Ф.Лиотара, «паралогию следует отличать от новации: последняя направляется системой или, как минимум, служит, чтобы повысить ее эффективность; первая является ходом, значимость которого зачастую не признается сразу, сделанным в рамках прагматики знания», – причем «в той мере, в какой наука дифференциальна, ее прагматика представляет собой антимodelь стабильной системы» [14, с. 156].

Следует, однако, иметь в виду немаловажное обстоятельство терминологического плана. Подобно тому, как, моделируя – в прогностическом режиме – динамику саморазвивающейся системы, философия XIX в. апеллировала к абстрактным сферам предметности, являющимся по своему когнитивному статусу идеальным (теоретическим) конструктом, – точно так же, моделируя новый тип динамики (нелинейные самоорганизационные процессы в хаотических аструктурных средах) и вырабатывая понятийный аппарат для описания подобных динамик, философия постмодернизма также оперирует идеальными объектами (типа «номадического распределения сингулярностей», «ризоморфных сред» и т.п. – наибольшей мерой конкретности в этом контексте обладают такие постмодернистские концепты, как «письмо» и «текст», семантическая развертка

которых опирается на постструктуралистскую лингвистическую традицию).

Соответственно тому обстоятельству, что искомая терминология находится в процессе своего становления, философия постмодернизма демонстрирует целый спектр параллельных понятийных рядов, предназначенных для описания выходящего за рамки прежней исследовательской традиции объекта: текстологический ряд, номадологический ряд и т.п. Кроме того, в силу не окончательной разработанности категориального аппарата философской аналитики нелинейных процессов, для постмодернизма характерно использование мифологических образов (типа «тантрического яйца» в концепции «тела без органов») и тяготение к метафорике (типа дескрипции ризомы как подвижных «колонн маленьких муравьев» у Ж.Делеза и Ф.Гваттари [9, с. 28] и т.п.). Характерна в этом отношении фиксация Ж.Делезом нестабильной среды как предмета номадологической аналитики в качестве «недифференцированной бездны»: по его словам, «перед нами открывается мир, кишаций анонимными... сингулярностями» [8, с. 131].

Заметим, однако, что, несмотря на свою метафоричность, данная формулировка схватывает практически все атрибутивные параметры нестабильной системы: от исходной аструктурности как хаоса на микроуровне – до некооперированности «анонимных» (т.е., подобно молекулам-«гипнонам» в синергетике, не открытых и не услышанных другими) микросоставляющих. Несмотря на то, что применительно к текстологической версии постмодернистской философии возможность использования терминологического тезауруса постсоссюрианской лингвистики делает ситуацию более прозрачной, тем не менее проблемное поле, охватываемое постмодернистской текстологией, оказывается более широким, нежели это возможно охватить посредством традиционной устоявшейся терминологии.

Так, в качестве типичной в стилистическом отношении может рассматриваться в данном случае констатация нестабильности письма как самоорганизующейся вербальной среды у М.Фуко: «регулярность письма все время подвергается испытанию со стороны своих границ, письмо беспрестанно преступает и переворачивает регулярность, которую оно принимает и которой оно играет; письмо разворачивается как игра, которая неминуемо идет по ту сторону своих правил и переходит таким образом

вовне»; в контексте концепции трансгрессии постмодернизм, фиксируя выход мысли за очерчиваемые традиционным языком границы, оперирует такой метафорой, как «обморок говорящего субъекта» [16, с. 121–130].

Аналогично, векторная ориентация неравновесной системы на переход к состояниям, выходящим за те границы, которые дедуктивно очерчиваются линейной логикой эволюционного разворачивания наличного ее состояния, метафорически фиксируется в постмодернизме посредством сразу нескольких параллельно оформляющихся понятийных рядов, задающих целый веер терминологических версий описания указанного перехода, – причем для фиксации последнего нередко используются и метафорические средства.

Так, в терминологии М.Бланшо осуществление такого перехода сопрягается с состоянием «экстаза» в его этимологическом значении экстазиса как смещения, превосхождения. В этом контексте феномен нелинейного перехода сопрягается М. Бланшо с метафорическим «безнадежным и не ведающим вожделением... вожделением того, чего невозможно достигнуть, и вожделением, отвергающим все то, что могло бы его утолить и умиротворить, стало быть, вожделением того бесконечного недостатка и того безразличия, которые суть вожделение, вожделением невозможности вожделения, несущим невозможное... вожделением, которое есть достижение недостижимого» [7, с. 76].

Очевидно, что понятый таким образом нелинейный переход может быть поставлен в соответствие с анализируемым синергетикой переходом системы – в процессе бифуркационного разветвления эволюционных путей – к принципиально новому состоянию, возникающему вследствие случайной флуктуации и не являющемуся вытекающим из прошлых состояний системы. Однако, терминологическая сопряженность такого перехода в постмодернистских аналитиках с экстазисом сообщает ему специфическую окрашенность, позволяющую выражать подобную интенцию системы посредством понятия «желания». И если совершенно правомерной является высказанная в литературе [10] интерпретация постмодернистски понятого «желания» как результата переосмысления феномена интенциональности (в хайдеггеровском и гуссерлианском понимании последней) в духе векторно направленной на текст иррациональной силы, то позволительной представляется и более

широкая трактовка семантики «желания» в постмодернизме. Последний, в целом, рефлексивно определяет себя (посредством введенного В.Лейчем термина) как «желающую аналитику», и метафорика желания является для постмодерна практически универсальной.

Исходя из этого, становится понятной интенция постмодерна к своего рода эротизации процесса означивания текста. Так, например, предлагая понятие «хора» для обозначения исходной «неэкспрессивной целостности, конструируемой импульсами в некую постоянную мобильность, одновременно подвижную и регламентированную», в качестве данных «импульсов» Кристева рассматривает «пульсационный бином «либидо». Характерны в этом контексте интенции постмодернизма сопряжения текстуальной сферы со сферой телесности: попытки Кристевой материализовать «хору» в «эрогенном теле», персонифицируемом в фигуре Матери; апелляции Р. Барта к текстуальному «эротическому телу» и т.п.

Так, например, эксплицитно фиксируя антропоморфизм своей системы метафор, Р. Барт успешно эксплицирует посредством последних идею смыслопорождения, – по его словам, «текст... это образ, анаграмма человеческого тела... Но речь идет именно о нашем эротическом теле. Удовольствие от текста несводимо к его грамматическому функционированию, подобно тому как телесное удовольствие несводимо к физиологическим отправлениям организма» [6, с. 474]. Аналогичные внеконцептуальные метафоры, значимые своими коннотативными (в контексте европейской философской традиции) значениями встречаются и у Ж.Делеза, например – «моя любовь заставляет дwoящиеся и ветвящиеся серии резонировать друг с другом» [8, с. 215].

Важную (и практически центральную) роль для передачи феномена неравновесности играет в этой системе выражения постмодернистская метафора «аффекта». Ю. Кристева, например, выделяет особые точки смыслообразования, когда «парадоксальное мгновение антитетической метафоры оказывается мгновением предельного аффекта» [13, с. 104]. Если понятие «желания» выражает в постмодернистском языке общую нестабильность системы, ориентированной на переход в иное состояние, то понятие «аффекта» в этой системе отсчета фиксирует ту особую процессуальную нестабильность самого этого перехода, которая может быть сопоставлена с зафиксированным синергетикой

протеканием процессов «с обострением» – в режиме blow up, т.е. «в режиме сверхбыстрого нарастания процессов... при которых характерные величины... неограниченно возрастают за конечное время» [12, с. 11–12].

В контексте ориентации постмодернизма на исследование феноменов нестабильности, проявляющих не только эволюционный потенциал линейного разворачивания исходных свойств, но и нелинейный потенциал перехода к радикально новому, непредвиденному состоянию, особое значение приобретает осмысление феномена новизны и принципиальной множественности состояний. Механизм возникновения последней оказывается в фокусе внимания постмодернистской философии: как пишут Делез и Гваттари, «поистине мало сказать «Да здравствует множественное!», ибо призыв этот трудно выполнить... Множественное нужно еще создать» [9, с. 11].

Постмодернистская текстология, исследующая нестабильность письма как порождающую плюральную новизну, использует (в силу того, что категориальный аппарат философии постмодерна находится в процессе своего развития) наряду с понятийными средствами постсоссюрианской лингвистики и метафорическую терминологию, апеллируя к тем семантическим коннотациям, которые обретают используемые конструкты в контексте западной философской традиции. – Так, например, Р.Барт обозначает нелинейный характер процессуальности письма как «эротику (в самом широком смысле этого слова)», понимая под таковой «порыв» и «открытие чего-то нового» [1, с. 541]. В контексте «эротики нового» фраза – в отличие от законченного («идеологичного» в смысле легитимности единственного значения) высказывания – «по сути своей бесконечна (поддается бесконечному катализу)» (Р. Барт). А в метафорике Р.Барта, «в противоположность стереотипу все новое явлено как воплощение наслаждения» [6, с. 494]. Именно поэтому, касаясь проблемы нефинальной вариабельности означивания, семиотической неисчерпаемости текста как самоорганизующейся открытой среды, мы, по формулировке Р. Барта, вступаем в ту «область, которую можно назвать Эросом языка» [3, с. 382]. Согласно той оценке, которая дана Р. Бартом в отношении концепции означивания Ю. Кристевой, «теория текста открыто определила означивание... как арену наслаждения» [6, с. 516].

Исходя из этого, созданная самим Р.Бартом текстологическая концепция оценивается им в этом отношении как «гедонистическая теория текста». В постмодернистской системе отсчета смысл (*le sens*) понимается как «порожденный чувственной практикой (*sensuellemen*)», и таковая может быть реализована лишь посредством процедуры чтения: «одно только чтение испытывает чувство любви к произведению, поддерживает с ним «страстные» отношения. Читать – значит желать произведение, жаждать превратиться в него» [2, с. 373]. В акте означивания, однако, проявляет себя, другой (встречный) вектор желания, идущий со стороны текста: «живое начало текста (без которого, вообще говоря, текст попросту невозможен) – это его воля к наслаждению» [6, с. 471]. Текст рассматривается в постмодернизме не только как потенциально открытый означиванию, но как ориентированный на него и демонстрирующий свое желание означивания: «текст ... должен дать мне доказательства того, что он меня желает» [6, с. 474]. Таким образом, «смысл, будучи воплощенным вожделением, возникает как бы по ту сторону языкового кода» [2, с. 373].

В соответствии с этим текстологическая аналитика артикулируется постмодернизмом как «наука о языковых наслаждениях, камасутра языка», которая постулирует «эротическое отношение» к тексту (Р.Барт). В этой системе отсчета постмодернизм противопоставляет такие типы текстуальных стратегий, как «удовольствие» и «наслаждение», сопрягая их, соответственно, с классической и современной культурными традициями. В системе метафорики постмодернизма аксиологический акцент, таким образом, делается на «наслаждении» в силу нон-финальной процессуальности последнего: желание, смыслопорождая, не останавливается на порожденной семантике как финальной, – в то время как удовольствие предполагает удовлетворение (в данном случае – финальную интерпретацию текста), финализируя в нем желание и фактически прерывая его. В этом контексте постмодернистская текстология обозначает традиционную стратегию отношения к тексту как программную беспристрастность сциентизма, т.е. так называемую «критику», дискретно реализующуюся через «орфографические оргазмы» [6, с. 517]. Постмодернизм противопоставляет этому семантическую фигуру перманентного асимптотичного желания: «желание имеет эпистемологическую ценность, а удовольствие – нет» [6, с. 510].

Если для классической философской традиции было характерно осмысление расширительно понимаемого желания в качестве векторно направленного на свой предмет креативного импульса (начиная от античного гилеморфизма и натурфилософской трактовки Эроса в качестве космической протопотенции, то для постмодернизма характерна метафора неутолимого желания, фиксирующая принципиальную нон-финальность разворачивания креативного потенциала системы, в силу которой любые наличные формы организации последней предстают как обладающие лишь сиюминутной значимостью: варианты «структуриации текста» у Р.Барта, конфигурирования плато ризомы в номадологии или временных органов «тела без органов», «складки» или «Эона» как одной из возможных версий организации исторической темпоральности у Ж.Делеза и т.п.

В контексте обозначенной метафоры конституируется постмодернистская концепция двух типов текста (соответственно – двух типов чтения), основанная на противопоставлении традиционного (т.е. линейного) «текста-удовольствия» и постмодернистского (соответственно – принципиально нелинейного).

Понятие «текста-удовольствия» фиксирует в постмодернистской системе отсчета результат классического отношения к тексту как наделенному автохтонной семантикой (гарантированной внетекстовым референтом) и подлежащему пониманию, предполагающему герменевтическую процедуру реконструкции смысла и значения текста. Данное понятие введено Р.Бартом в работе «Удовольствие от текста» (1973) и составляет оппозиционную пару понятию «текст-наслаждение», фиксирующему собственно постмодернистскую интерпретацию феноменов текстуального ряда.

Текст, увиденный в качестве «текста-удовольствия», характеризуется, по Р.Барту, стабильной структурой (соответственно – наличием фиксированных оценочно-ценностных акцентов и выделенного семантико-аксиологического центра, задающего достаточно четко определенные векторные ориентации субъекта в процессе чтения). Соответственно «текст-удовольствие» ориентирует на чтение в традиционном его понимании, т.е. на установление в интерпретационном усилии читателя одно-однозначных соответствий между семиотическими рядами текстовой среды, с одной стороны, и принятыми в той или иной культурной традиции системами значения – с другой, что

обеспечивает своего рода дешифровку текста и в перспективе ведет к его исчерпывающему пониманию.

Стабильность семантики символических рядов и аксиологических шкал соответствующей культуры выступает основой возможности конституирования понятий «корректного прочтения», «правильной интерпретации», «полного понимания» текста как объективного итога прочтения, понятого в данном контексте как финально завершенное и объективно результирующееся в экспликации текстового смысла. Субъективно переживаемым итогом прочтения «текста-удовольствия» является, по Р.Барту, получаемое читателем «удовольствие от текста», т.е. разрешение его читательских ожиданий, удовлетворение как выражение исчерпывающей завершенности процесса. Процессуальность отношения читателя к тексту, артикулированному в качестве «текста-удовольствия», Р. Барт интерпретирует в качестве «комфортабельного чтения» [6, с. 462–518].

Подобный тип интерпретации текста, понимаемого в качестве «произведения» как произведенного Автором, решительно отвергается Р. Бартом (в контексте общей постмодернистской презумпции «смерти Автора») и связывается с традиционной литературной «критикой», возводящей произведение к Автору как к его причине, закрывая тем самым саму возможность плюрального истолкования текстовой семантики (методология «биографического анализа» в постдильтеевской интерпретационной традиции): «присвоить тексту Автора – это значит как бы застопорить текст, наделить его окончательным значением... если автор найден, значит, текст «объяснен», критик одержал победу» [5, с. 381]. (В этом контексте Р.Барт отмечает, что «в наши дни произведение исполняет один лишь критик – как палач исполняет приговор» [4, с. 422].) Аналогичная ситуация артикуляции текста как «текст-удовольствие» имеет место и тогда, когда текст рассматривается не с точки зрения своего «происхождения», но в аспекте своей структуры как наличной (классический структурализм). В противоположность этому постмодернистское видение текста артикулирует его в качестве текста-наслаждения, характеризующегося принципиальным отсутствием: а) семантики, обеспеченной внетекстовым онтологическим гарантом (презумпция «пустого знака» и отказ от «трансцендентального означаемого»); б)

фиксированного семантико-аксиологического центра и, в целом, 3) стабильной структуры.

Смысл текста конституируется в этом контексте как находящийся в перманентном процессе становления, понятого как принципиально нон-финальное, т.е. не результирующееся в окончательном прочтении текста как надлении его однозначным смыслом (соответственно – выявления его якобы константной структуры). Программной стратегией отношения к подобному тексту выступает в постмодернизме стратегия означивания, предполагающая не экспликацию так называемого «правильного смысла», а прослеживание возможных плюральных «путей смыслообразования», чему соответствует не выявление структуры, а прослеживание процессуальной и принципиально не результирующейся в структуру «структуриации» текста (Р. Барт). В рамках подобного подхода сам текст артикулируется, по Р. Барту, в качестве процессуального «текста-наслаждения».

Поскольку наслаждение процессуально, постольку, по Р. Барту, желание, смыслопорождая, не останавливается на порожденной структуре как финальной, – в то время как удовольствие, напротив, означает (в силу перфектности удовлетворения) обрыв желания, замыкание смысла. В связи с этим в контексте постмодернизма оформляется фигура перманентного асимптотичного желания: своего рода «философскую живучесть желания» Р. Барт рассматривает именно как «обусловленную тем, что оно никак не может найти себе удовлетворения» [6, с. 510].

Таким образом, текст, артикулированный в качестве «текста-наслаждения», артикулируется постмодернизмом как представляющий собой не просто принципиально процессуальную текстовую среду «самопорождающейся продуктивности», находящуюся «в перманентной метаморфозе», но и предполагает, по определению Дж. В. Харрари, конституирование смысла в качестве «вечного потока» [18, с. 40].

Фактически, предложенная Р.Бартом типология текстов дает основания для того, чтобы интерпретировать ее как основанную на различении систем (текстов), подчиненных линейному детерминизму (финальной детерминантой в рамках которого выступает в данном случае фигура Читателя как носителя соответствующего тезауруса культурных кодов), и нелинейных систем (текстов), находящихся в процессе самоорганизации, реализующейся посредством флуктуационного механизма.

Фактически это означает, что можно трактовать «текст-удовольствие» как своего рода кибернетическую систему, в то время как «текст-наслаждение» функционирует в качестве системы синергетической.

Р. Барт формулирует презумпцию невозможности одновременного удержания в восприятии и текста-удовольствия, и «текста-наслаждения», фиксирующую фактически невозможность одновременного описания динамики в терминах линейного и нелинейного детерминизма. Так, по его оценке, «анахроничен читатель, пытающийся враз удержать оба эти текста в поле своего зрения, а у себя в руках – и бразды правления, и бразды наслаждения; ведь тем самым он одновременно... оказывается причастен и к культуре... и к ее разрушению: он испытывает радость от устойчивости собственного Я (и в этом его удовольствие) и в то же время стремится к своей гибели (и в этом его наслаждение)» [6, с. 471–471]. Фокусируя свое внимание на «наслаждении» (в отличие от «удовольствия»), читатель лишает себя возможности усмотреть в тексте стабильные закономерности динамического типа и, наоборот, задавшись целью обнаружения таковых, он пресекает для себя возможность видения текста в разрезе его выраженного в статистических закономерностях плюрализма, получает застывший в определенной (заданной принятой традицией) конфигурации текст, превращая его в «текст-удовольствие».

Таким образом, характерная для классической философии гилеморфическая метафорика желания как креативной силы, векторно направленной на структурную и семантическую организацию (космизацию) предметности, радикально переосмысливается в постмодернизме: по определению Ф.Гваттари, «желание – это не то, что деформирует, а то, что разъединяет, изменяет, модифицирует, организует другие формы и затем бросает их» [17, с. 61].

Подвергая мета-теоретическому осмыслению данный процесс, М.Фуко пишет о том, что в настоящее время осуществляется формирование нового стиля мышления и, собственно, новой культуры. По его словам, новый фундаментальный опыт человечества «невозможно заставить говорить... на тысячелетнем языке диалектики». Новый способ видения мира нуждается и в новом языке для своего выражения, однако, на данный момент, по оценке Фуко, новому опыту (опыту нелинейного видения мира)

«еще только предстоит найти и язык, который будет для него тем же, чем была диалектика для противоречия» [16, с. 121].

В целом понятийно-метафорическая система постмодернистской текстологии дает основания утверждать, что в современной философии шлифуются понятийные средства, необходимые для адекватного описания неравновесных самоорганизующихся систем (как в свое время шлифовались в философском языке понятийно-логические средства, необходимые для описания систем динамических, а позднее – развивающихся).

1. *Барт, Р.* Гул языка / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – С. 541–544.

2. *Барт, Р.* Критика и истина / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – С. 319–374.

3. *Барт, Р.* От науки к литературе / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – С. 375–383.

4. *Барт, Р.* От произведения к тексту / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – С. 413–423.

5. *Барт, Р.* Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – С. 384–391.

6. *Барт, Р.* Удовольствие от текста / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – С. 462–518.

7. *Бланшо, М.* Опыт-предел / М. Бланшо // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб. : МИФРИЛ, 1994. – С. 63–77.

8. *Делез, Ж.* Логика смысла / Ж. Делез. – М. : Академия, 1995. – 298 с.

9. *Делез, Ж.* Ризома / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 9–31.

10. *Ильин, И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М. : Интрада, 1996. – 255 с.

11. *Князева, Е. Н.* Сложные системы и нелинейная динамика в природе и обществе / Е. Н. Князева // Вопросы философии. – 1998. – № 4. – С. 138–143.

12. *Князева, Е. Н.* Синергетика как новое мировидение : диалог с И. Пригожиным / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 3–20.

13. *Кристева, Ю.* Дискурс любви / Ю. Кристева // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб. : МИФРИЛ, 1994. – С. 101–109.

14. *Лиотар, Ж.-Ф.* Постмодернистское состояние : доклад о знании / Ж.-Ф. Лиотар // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 140–158.

15. Тоффлер, О. Наука и изменение / О. Тоффлер // И. Пригожин, И. Стенгерс. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М. : Прогресс, 1986. – С. 11–33.

16. Фуко, М. О трансгрессии / О. Фуко // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб. : МИФРИЛ, 1994. – С. 111–131.

17. [Guattary F.] : A Liberation of Desire : An interview / [F. Guattary] // Homosexualities & French literature / ed. by Stambolian G. – L., 1976. – P. 56–71.

18. Harrari, J. V. Introduction / J. V. Harrari // Textual strategies : Perspectives in post-structuralist criticism / ed. with introd. by Harrari J.V. – L., 1980. – 475 p.

19. Nisbet, R. History & the Idea of Progress / R. Nisbet. – N.Y., 1980. – 273 p.

20. Thom, R. Stabilité structurelle et morphogénèse / R. Thom. – P., 1972. – 298 p.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУИМ